

АКАДЕМИЯ НАУК СССР  
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ  
( ПУШКИНСКИЙ ДОМ )



ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ  
РУССКОЙ  
ЛИТЕРАТУРЫ  
XI - XX  
ВЕКОВ



ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР  
МОСКВА - ЛЕНИНГРАД

1 9 5 8

## ИНОСКАЗАНИЕ «ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ» В «ПОВЕСТИ О ГОРЕ-ЗЛОЧАСТИИ»

В определении основной темы «Повести о Горе-Злочасти» существуют, как известно, разногласия: представлена ли в повести тема борьбы отцов и детей, происходившей в XVII веке, или тема повести — изображение злочастной судьбы человечества, «жизни человека» вообще.<sup>1</sup>

Решение этого спора весьма важно в историко-литературном отношении, так как каждая из тем дает иное представление о методах художественного обобщения автора повести. Если тема повести — «жизнь человеческая», то это значит, что повесть включает в себе элементы средневековой аллегории, что она близка к притче, бытопись же играет подчиненную роль, и по методам своего художественного обобщения она принадлежит XVII веку.<sup>2</sup> Если тема повести — борьба двух поколений, борьба отцов и детей во второй половине XVII века, то тем самым снимается вопрос об аллегории и первостепенное значение придается в повести именно бытописи.

Главной опорой той точки зрения, что в повести основная тема — изображение жизни человека, служит общее введение, в котором рассказывается об изгнании Адама из рая и говорится о несчастной судьбе людей вообще — о «злом племени человеческом». Это общее введение к повести прямо характеризует «племя человеческо» теми же самыми словами, которыми характеризуется в повести и сам «молодец»:

Ино зло племя человеческо, —  
вначале пошло непокорливо,  
по отцову учению зазорливо,  
к своей матери непокорливо  
и к советному другу обманчиво.  
А се роди пошли слабы, добр[у] убожливи,  
а на безумие обратилися  
и учили жить в суете и в [не]правде,  
в ечерине великое,  
а прямое смирение отринули.  
И за то на них господь бг разгневался, —  
положил их в напасти великия,  
попустил на них скорби великия  
и срамныя позоры немерныя,  
безживотие злое, сопостатныя находы,  
злую, немерную наготу и босоту,  
и безконечную нищету, и недостатки последние,

<sup>1</sup> См. подробнее в статье: В. Л. Виноградова. Повесть о Горе-Злочасти. Труды ОДРА, т. XII, М.—Л., 1956, стр. 625—626.

<sup>2</sup> Д. С. Лихачев. От исторического имени литературного героя к вымышленному. Известия АН СССР, ОЛЯ, 1956, № 3, стр. 209.

все смиряючи нас, наказуя  
и приводя нас на спасенный путь.

Повествование о молодце начинается словами «Тако рождение человеческое от отца и от матери». Следовательно, рождение молодца рассматривается как обобщенный образ «рождения человеческого», а вся последующая жизнь молодца на этом основании могла бы быть определена как «жизнь человеческая» вообще, подобно тому, как та же тема определяется и в основе известной евангельской притчи о блудном сыне, отнюдь не случайно ставшей излюбленной темой литературы и живописи именно XVII века.<sup>3</sup>

Сторонники той точки зрения, что в основе повести лежит тема «борьбы отцов и детей», вынуждены были признать это аллегорическое введение чуждым духу повести книжным добавлением и видеть в авторе повести человека консервативных убеждений, заканчивающего свою повесть победой «отцов», хотя эта «победа» и звучит в повести довольно пессимистически.

В настоящее время мы можем указать, что тема «жизни человеческой» в таком же истолковании «от Адама» действительно существовала в литературной традиции третьей четверти XVII века.

В хронографе Библиотеки Академии наук СССР № 17.9.9 скорописью третьей четверти XVII века на лл. 455 об.—458 об. читается русская по своему происхождению притча о бедственной судьбе человека с соответствующим пространством толкованием. Приведем текст этой притчи:

«Вопросившу некоему некоего о роде его и отчестве и о здравии, отвеща: Вопрошаеши ли мя убо како жих или како живу? Слыши. Отец мой бысть древле служа царю. Царь же возлюбил его зело и почте его великою честью и поместье даде ему доброе, яко же и в завидети некоему от прежебывших иногда царевых вельмож отцу моему. И посла царь отца моего на свою службу строения его, и заповедь некую положи ему. Той же прежереченный вельможа прельсти отца моего еже преслушати<sup>4</sup> заповедь царя. Тем же отец мой сего ради от очию цареву изгоняется и честных друг своих пребывания отлучается и поместья лишается и казнию некоею от царя осужаем бывает. В то же время злочастное, увы мне, аз родихся и, по лишении же толиких и великих благих бывающих ми, много зла пострадах. Многу же времени мимошедшу, сам царь умилиосердися, вспомяну отца моего и печальником к себе о нем велел ходатайствовати, и рек мя пожаловати, и поместье отдати. Аз же и до днесь рыдаю грех ради моих, лица царева не вижу, поместья лишихся. Ныне же худости ради и убожества моего отчина запустела, земля неплодна и не родит. Аще же когда си лучит<sup>5</sup> сеяти семен, абие родит торицу, сиречь плевел. А сие же лето от самыя весны в моей отчине не бысть дождя и до днес, но молю ти ся, господи мой, аще ми возможно да умолиши о мне царя да сотворит ми в первое достояние, яко же древле отца моего».

За этим текстом следует толкование его («толк вышереченному»). Толкование это почти в три раза превосходит самую притчу, и мы его здесь не приводим. Смысл притчи, как нетрудно догадаться, состоит в следующем: притча рассказывает историю человеческого грехопадения. Царь — бог, отец героя — Адам, сам герой — это все человечество, поместье — рай, не-

<sup>3</sup> Повесть о Горе-Злочастии как своего рода притчу, зависящую от притчи о блудном сыне, толкует А. Мазон (см.: М а з о н. Горе-Злочастии: Malheur — Mauvais destin. Revue des Études Slaves, t. XXVIII, f. 1—4, Paris, 1951).

<sup>4</sup> В рукописи «преслужати».

<sup>5</sup> В рукописи «личит».



кий вельможа, позавидовавший отцу (Адаму), — дьявол, и т. д. В толковании имеется ряд деталей, отсутствующих в притче, толкование как бы обещает более полный рассказ, более точно соответствующий библейским событиям. Тем не менее еще раз говорится о «злочастном времени», в которое родился и живет герой притчи, проклиная свои дни и время, когда он родился для «злострадания». В толковании подчеркивается, что не бог сотворил все это зло, но что зло проистекает по воле самого человечества: «от своего бо произволения блазни ли зли бываем, те же по делам нашим восприемлем» (л. 457 об.); «не он <т. е. бог> бо нас разлучи от себя, но греси наши далече нас от него творят и муце вечней предают» (л. 458). Жизнь во зле и несчастиях называется автором толкования «волокитой», при чем дается и объяснение того, что называет «язык русский» волокитой: «егда кто волочитца всуе, а не весть чесо ради влачитца». Причина этой «волокиты» — лень человеческая и печали житейские, мешающие нам слышать слово божие. Упоминаемая в притче весна — это молодость, юность, время, наиболее подверженное страстям, причем дается следующая характеристика страстей: «любят бо страсти любовозвратны быти» (л. 458). Подчеркивается, что человек впадает в грех именно в юности: «Еще от юности наша до днесь обыче в лености пребывая грехи сотворяти, то како может на старость плодоносити плоды добродетелей».

Перед нами некоторая попытка философского обобщения человеческой жизни, напоминающая отдельными своими мыслями гениальное художественное обобщение «Повести о Горе-Злочастии» и позволяющее понять замысел последней не как описание борьбы отцов и детей на рубеже древней и новой России, а как замысел показать «жизнь человеческую», «злострадания» человеческого рода. Объективно, однако, художественный замысел «Повести о Горе-Злочастии» до известной степени разошелся в ее художественным значением: пытаясь изобразить судьбу всего человечества, она с необыкновенной силой нарисовала несчастную жизнь обездоленных людей своего времени.

Думается, что притча отчетливо подтверждает также, что вводная часть «Повести о Горе-Злочастии», где говорится о грехопадении первых людей и изгнании их из рая, отнюдь не является чужеродной частью, а органически связана с замыслом повести.

